

Соколов Ю. А.

**Дядя против племянника
(первые страницы агонии Киевской державы)**

Можно вдоволь и язвительно иронизировать о ростово-суздальском князе Юрии Владимировиче Долгоруком – по поводу его непримиримой заносчивости, доходящей до откровенной гордыни; по поводу скромности его полководческих талантов и отсутствия в нем той личной отваги и удали на поле боя, что являлись непременным атрибутом древнерусского князя, бывшего по преимуществу, в силу традиции и целесообразности времени, именно воином; по поводу продолжительной тяги до времени огрузневшего заокского властителя к продолжительным и шумным застольям, во время которых отяжелевший от яств и вина, он принимал решения; по поводу его необузданности и нежелания смирять свои похоти и стремления их удовлетворить во всякое время и любыми способами... Иронизировать можно – широкая, живописная и избыточно темпераментная натура, яркий и динамичный характер хозяина Залесской Руси дает для этого достаточно оснований и материала. Однако при всем том невозможно не видеть в этом сыне легендарного Владимира Мономаха¹ колоссальную выдержку в делах

¹ Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125), великий князь Киевский (1113-1125) был трижды женат и от этих браков имел двенадцать или, возможно, четырнадцать детей. Генеалогия имеет разночтения. А.В.Назаренко обратил внимание на то, что дети от первого брака носят преимущественно (за одним исключением) имена исключительно славянские, в то время как от второго – только греческие. От первого брака (1074) с Гитой Уэссекской, дочерью последнего сакского короля Харальда II: Мстислав (1076-1132), Изяслав (+1096), Святослав (+1114), Роман (+1119), Ярополк (1082-1139), Вячеслав (+1154). От второго брака (1099) на гречанке Евфимии: Мария (+1147), Евфимия (+1139), Агафья, Юрий (1090-е годы-1157), Андрей (1102-1142), и, возможно, Евпраксия (жена Оттона II Диссенского) и Софья (жена витебского князя Святослава) (См.: Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. №2. С. 65-78). В.Татищев также упоминает о том, что у Владимира Мономаха был сын Глеб (*Татищев В. Н.* История Российская. М., 2005. Т. 2. С. 152). Великими князьями из Мономашичей стали: Мстислав Великий (1125-1132), Ярополк II (1132-1139), Юрий Долгорукий (1149-1150, 1156-1157). Именно А.В.Назаренко отнес Юрия Долгорукого ко второму браку Владимира

политических, настойчивость и последовательность в реализации однажды поставленных задач, осмысленность не только в концепции, но и во временном пространстве всякого действия, сочетающего в себе хтоническую мощь, стихийность и холодный расчет. Юрий Владимирович, как мало кто еще из русских князей, умел выжидать годами момент, наиболее пригодный для удара по врагу, не тратя при этом времени, а используя его для тщательной и всесторонней подготовки. Невозможно было вынудить его к действию, если сам он полагал таковое преждевременным. А вот противников своих ему, чаще всего, удавалось спровоцировать на всякого рода преждевременные «движения», до срока открывающие их планы и изматывающие силы. Запретных средств для достижения желаемого для него не существовало, но и «победы любой ценой» он не признавал – «любую цену» и, желательно, чрезмерную, должен был платить его враг, сам же князь хоть и лишен был гуманистических комплексов, своих людей предпочитал беречь и, по возможности, жертвенное бремя стремился не без успеха переложить на своих очередных союзников.

В своем уделе на северо-востоке Руси, за Окой, где суровый, лесисто-болотистый ландшафт из года в год умножался новыми крепостями, князь Юрий Владимирович сидел словно в неприступной твердыне. Здесь, в земле, которая им не без основания воспринималась родным домом, он ощущал свою неуязвимость, здесь он вынашивал планы и пристально следил за окружающим миром, предпочитая до поры до времени использовать свое искусство дипломата для ослабления своих врагов, главным из которых в последние полтора десятилетия его жизни был его племянник, князь Изяслав Мстиславич². За всеми кровавыми усами, начиная с 1132 года, неизменно стояла тяжелая, все более и более тучневшая фигура Юрия Долгорукого³,

Мономаха, что позволяет многое объяснить во вражде суздальского князя к Мстиславу и его сыну Изяславу, но, вместе с тем, создает новые проблемы при интерпретации устоявшихся сюжетов.

² Изяслав Мстиславич (1097-1154), второй сын (после Ярополка) Мстислава Великого от первого брака (с Христиной Шведской). Княжил в Курске (1127-1130), Полоцке (1130-1132), Переяславле (1132-1133, 1142-1146), Владимире-Вольинском (1135-1142, 1146-1151). Великий князь Киевский (1146-1149, 1150, 1151-1154). (здесь и далее биографические сведения о князьях даются по изданиям: Монархи мира: краткие жизнеописания / Сост. К. Рыжов. М., 2001; *Перехавко В.В., Сухарев Ю. В.* Воители Руси: X-XIII вв. М., 2006).

³ «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не весьма великие, нос долгий и искривленный, борода малая; великий люби-

чей целенаправленный и активный ум искал во всем происходящем для себя выгоды. Он искусно играл на страстях и пороках своих близких и дальних родственников, стравливая Рюриковичей и ослабляя потенциально опасные для себя Северскую, Новгородскую, Смоленскую и Волынскую земли.

Евгений Францевич Шмурло, выдающийся историк и не менее выдающийся по благородству и научной самоотверженности человек, в завершённом уже в эмиграции, в Праге, «Курсе русской истории», где, как он говорил, пытался представить «догматическое изложение твердо установленных наукой основных фактов русской истории», дал такое заключение относительно непримиримого противостояния князя Юрия Долгорукого и его племянника, князя Изяслава Мстиславича: «Обоих... неотразимо влечет к себе Киев: для обоих столица Русской земли – заветная мечта, соблазнительная греза, и каждый по своему доказывает право на ее существование. Один, в духе Мономаховых традиций, опирается на старое право родового старейшинства, другой – на добрый меч и личную отвагу: с традициями он уже поврал. Предприимчивый и смелый, Изяслав вообще мало считается с правами: он исходил из убеждения, что, – по любимому его выражению, – “не место к голове, а голова к месту”!»⁴.

О том, что у дяди и племянника различны содержания киевских «заветных грез» и «соблазнительных мечтаний» – разговор особый. Но относительно Изяслава Мстиславича сказано точно: таланты и кипучий темперамент его в совокупности с чрезмерной амбициозностью, тщеславием и идеализмом не могли найти удовлетворения в тихой заводи какого-либо одного удела, подобно тому, как это произошло со старшим его дядей, Вячеславом Владимировичем Туровским⁵. Масштаб натуры Изяслава мог быть вполне удовлетворен лишь ролью

тель женщин, сладкой пищи и питья...» – так описывал его В.Н.Татищев (*Татищев В.Н. История Российская. Т.2. С. 303*).

⁴ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862-1462). СПб., 1997. С. 130.

⁵ Вячеслав Владимирович (1083-1154), сын Владимира Мономаха и Гиты Харальдовны. Князь Смоленский (1113-1125), Переяславский (1132-1134, 1142), Вышгородский (1149-1151), Туровский (1125-1132, 1134-1142, 1142-1146). Как компромиссная фигура, устраивавшая Юрия Долгорукого и Изяслава Мстиславича, дважды ставился великим князем Киевским (1139, 1151-1154). Не имел больших политических амбиций и идей. Спокойный и рассудительный, он сторонился активной деятельности и за великокняжескую власть не держался, предпочитая охоту и хозяйствование.

исторической по значимости, для чего пространством его деятельности следовало иметь непременно всю Русь. Его отец, Мстислав Великий, скептически относился к лествичной традиции и в обход ее готовил своих сыновей к власти в Киеве⁶. Не случайно же Мстислав оговорил у своего бездетного брата и восприемника на киевском «золотом столе» Ярополка II⁷, что Всеволод или Изяслав в обход «лествицы» займут княжение в Переяславле, который воспринимался тогда как «предместье» к киевскому великому княжению.

С юности – и с подачи отца, – Изяслав видел себя не иначе как великим князем. Что касается «роли», то тут далеко не пришлось ходить – став восприемником своего отца в лествичной системе только с 1138 года, т.е. после кончины старшего брата Всеволода⁸, Изяслав еще прежде того с готовностью взял на себя и роль своего отца как «радетеля русского единства». Через это Изяслав становился также и идейным наследником Владимира Мономаха. Однако нельзя сказать, сколько у Изяслава было в избранном им образе искренности, а сколько – трезвого расчета, т.е. мотивов личного самоутверждения. Думается, что все же заботы о создании собственного героического образа было несколько больше, нежели мотива смиренного служения Отечеству, под которым у Изяслава, в отличие от Юрия Долгорукого, понималась вся Русь. Впрочем, избранный образ оказался для Изяслава вполне впору, подогнан оказался «без зазора». Упоенный своими

⁶ Т.н. «лествичное право», как установившаяся практика, противостояло решению Любечского съезда князей о сохранении за соответствующими потомками Ярославичей тех княжений, которые получили их предки после смерти Ярослава Мудрого. Каждый из Рюриковичей апеллировал к той практике, которая была ему более выгодной (см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993).

⁷ Ярополк Владимирович (1082-1139), сын Владимира Мономаха от брака с Гитой Уэссекской. Князь Переяславский (1114-1132) и великий князь Киевский (1132-1139). Один из наиболее выдающихся полководцев Древней Руси. Во время его киевского княжения начался и принял необратимый характер фактический распад Киевской державы.

⁸ Всеволод Мстиславич (+1138), сын Мстислава Великого от брака с Христиной Шведской. Княжил в Новгороде (1117-1136), Вышгороде (1136), Пскове (1137-1138), где и погребен в церкви св. Дмитрия Солунского. В 1132 году Ярополк II попытался перевести Всеволода из Новгорода в Переяславль, но этому активно воспротивились Юрий и Андрей Владимировичи – выгнав Всеволода из Переяславля, они вынудили его возвратиться в Новгород. Такая же участь была и у Изяслава. В результате, было принято компромиссное решение и в Переяславле был посажен Вячеслав Владимирович.

талантами и первый поверивший в свою «героичность» и «исключительность» (для политика это важно – искренняя вера в свой образ, в свое предназначение, ибо в этом основа идеологической заразительности!), нещадно эксплуатируя свой горячий темперамент, Изяслав самоотверженно, до последнего дыхания, исполнял роль для своего времени хоть и благородную, но архаическую, так сказать, роль из другой эпохи, «из другой пьесы».

Не то, чтобы Изяслав оказался столь лишен политического чутья, что не видел, не понимал изменений времени, – скорее, он не хотел знать того, что времена изменились. Ведь в таком случае он вынужден был однажды признать себе, что вся его беспокойная, опасная и шумная жизнь, сопровождаемая множеством пепелищ и потоками крови, оказалась совершенно бесполезной, изначально бессмысленной; что тип князя-воина, стремящегося собрать воедино все русские земли (а именно такой тип, искусно шлифуемый с годами, являл Изяслав в силу данного ему комплекса качеств) был не нужен. Изяслав «неотразимо влечет к себе Киев» потому, что только в нем – оправдание всех его качеств, всего образа, всего, что в нем было естественного и им же самим о себе придуманного. Киев – символ единства Руси. И он же, следовательно, – знак успеха Изяслава, торжества его образа. Несчастье этого Мстиславича в том, что он опоздал родиться не менее чем на полвека. Следующий же период истории, когда подобные Изяславу типы окажутся востребованы, придет века через полтора! Несомненно, Изяслав, – при том, что ему дважды доведется быть великим князем и умереть именно в Киеве – фигура трагическая: таковой всегда является тот публичный персонаж истории, который «не совпадает» своими качествами с основными императивами времени и, соответственно, приходится «не к месту и не ко времени»⁹. В конечном счете не до конца растративший ауру идеализма и при-

⁹ И по психотипу, и по исполняемой им во всю свою жизнь роли, полностью и в глазах современников, и историков сросшейся с его личностью, Изяслав II соответствует определенному А.Тойнби типуажу «спасителя-архаиста». «Спаситель распадающегося общества нередко является с мечом в руках. Меч может быть как обнаженным, так и спрятанным в ножны. Истина, однако, состоит в том, что меч, однажды отведав крови, не может долго оставаться в ножнах, подобно тому, как тигр, попробовавший человеческой плоти, не может остановиться... Время рано или поздно все равно сведет на нет их труды. Время действительно работает против тех, кто возводит свои империи при помощи насилия» (Тойнби А. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М., 1996. С. 370).

влекательной яркости характера племянник проиграл своему спесивому дяде – проиграл так сказать «исторически», поскольку, живя «не в свое время», будучи политическим реликтом из перевернутой страницы древнерусской драматургии, он этим временем был в принципе не воспринимаем. Изяслав Мстиславич – не мелкий, меркантильный хищник, типичный для междоусобиц, а «человек идеи», которая при всей своей возвышенной красоте никому не была нужна в силу своей исторической нецелесообразности.

Юрий Долгорукий идеализмом, свойственным племяннику, не страдал и в полной мере соответствовал жестокосердной эпохе распада и «борьбы всех против всех», т.е. вполне жил в ладу со временем. Е. Шмурло прав, отмечая то, что суздальский князь опирался на традиции родства и лествичное право. Но вовсе не потому, что Юрий Владимирович был столь уж убежденный законник, а исключительно лишь по причине выгоды для себя таких традиций и такого права в данном конкретном случае. Случись иной расклад, и он с не меньшей настойчивостью и последовательностью выступал бы против них, поскольку был политиком конкретным, тесно увязанным, так сказать «с временем и местом», т.е. всегда преследовал интерес своего дома, которым была не Русь вообще, а конкретно Ростово-Суздальское княжество. Междуречье Волги и Оки и было его Отечеством, в то время, как Русь была фактом прежде всего – географическим, затем – историческим и... И вряд ли больше!

Изяслав лишь около тридцати лет – возраста по средневековым меркам полного расцвета, но никак не старта! – обрел княжеский стол в Курске, где просидел неполных четыре года (до 1129 г.) и без сожаления простился с восточной окраиной Руси, переехав на окраину западную. В Полоцке он промается три года, оставаясь для полочан совершенно чужим человеком, точно таким же, как до того он был чужим для курян. Таким же чужим будет он и в Турове, где его разве что терпели около двух лет из уважения к его отцу Мстиславу Великому. Следует здесь, все же, внести ясность: имея от природы победительное обаяние и артистизм, Изяслав быстро располагал к себе новых подданных, которые очаровывались им, однако далее внешних демонстраций князь не шел, оставаясь внутренне отстраненным, равнодушным от дел края¹⁰.

¹⁰ Отчасти справедлива характеристика А.Яновского: «Он был ловок, стяжатель и увертлив и, видимо, в совершенстве владея искусством лицемерия и ханжества, сумел снискать расположение некоторых современников» (*Яновский А. Юрий Долгорукий. М., 1955. С. 116*).

Оставив туровские леса, Изяслав сменил их на просторную лесостепь Переяславского княжества, где ему доведется княжить дважды. Первый раз – менее года, что случилось сразу после кончины его отца, великого князя Киевского (1132 год); место это он потеряет, как и его брат Всеволод, стараниями младших Владимировичей, Юрия Долгорукого и Андрея Доброго¹¹, что только усугубило давно сидевшую враждебную предубежденность против дядьев. Второй раз – спустя десять лет; тогда княжение длилось четыре года. В Переяславле Изяслав был уважаем и, возможно, даже и любим – образ князя-воина был весьма уместен в этом уделе, бастионом выдвинутым в степь и обреченным быть в постоянной боевой готовности. Переяславцы видели в Изяславе подлинного наследника Владимира Мономаха и были щедры на авансы, но вот самому князю этот удел был тесен, а задачи, что стояли здесь перед ним, слишком локальными. Переяславль интегрировал Изяслава только как «стартовая площадка» для вхождения в Киев. Впрочем, до Киева Изяславу пришлось еще побывать – опять-таки дважды – князем во Владимире-Волынском. Первый раз – чуть более пяти лет, что было рекордом для Изяслава по продолжительности сидения на одном месте. Второй раз – около двух лет. Все это время он вовсе не занимался Волынским уделом, втянувшись в кровавую войну с Юрием Долгоруким ради киевского великокняжеского стола, да пугая соседей, поляков и венгров, непомерными политическими амбициями. В Киеве, кстати, Изяславу придется сидеть князем дважды, оба раза сроком до трех лет.

С легкостью менял он уделы, нигде не задерживаясь, не оставляя своего сердца и души – везде ему до несносности тягостна была удельная административно-хозяйственная рутинка. Будни, заполненные разборами тяжб и текучими делами, его отвращали. Он хотел простора для жизни, как вечного движения, как праздника и героического подвига; хотел больших страстей и необъятных, неясных, но заманчивых перспектив! Простор давал возможность избавиться от комплексов при сравнении с легендарными предками, прежде всего, с дедом и отцом. Он жаждал сравняться с ними в славе, мечтал, как и они, стать прижизненной легендой, а для этого нужно было играть хлопотную роль «радетеля русского единства». И он становился пленником своей роли, своего образа. Как личность яркая, с ясно выра-

¹¹ Андрей Владимирович (1102-1141) сын Владимира Мономаха от брака с гречанкой Евфимией. Княжил во Владимире-Волынском (1119-1135) и Переяславле (1135-1141).

женным позитивным обаянием и умением выгодно демонстрировать свои выдающиеся качества, Изяслав привлекал к себе людей, восхищавшихся им, прославлявших его реальные и мнимые подвиги, прощавших ему промахи и отмечавших его «инаковость» в сравнении с прочими князьями, что лишены были той ауры образа, который Изяслав неутомимо создавал и в который, возможно, первый же с готовностью и поверил.

Конечно, по части «ауры образа» Юрий Долгорукий вряд ли мог тягаться с племянником. Но зато он и не бегал в течение всей своей долгой жизни из одного удела в другой, не был случайно занесенным «гастролером», у которого не доставало ни времени, ни желания, ни опыта заняться делами места своего пребывания. Дядя ведь не так и старше годами своего племянника – их разделяло всего лишь пять лет! Но в тот год, когда Изяслав родился, Юрий Владимирович был уже посажен князем в Суздаль¹². И в Суздале он оставался государем до самого последнего дня, до 15 мая 1157 года, т.е. на протяжении более шестидесяти лет! Ему довелось за эти долгие годы быть хозяином и Переяславля, и Киева, но они, как и желанный титул великого князя, обретенный в конце жизненного пути, оставались не более чем довесками к суздальской вотчине, которую он возделывал и украшал с радением поистине завидным, подобно тому как садовник возделывает свой сад.

Залесье было не просто отчиной, даже не просто основой власти – оно было смыслом всей многотрудной жизни Юрия Долгорукого. Если вся лихорадочная и временами блистательная деятельность Изяслава на поприщах политическом и военном преследовала своей целью возрождение Киевской Руси как единого и монолитного государства, то упорная, лишенная блеска и ауры благородного героизма, часто вопиюще бесцеремонная политика Юрия Долгорукого преследовала своей целью упрочение, расширение и выдвижение на лидирующее место среди прочих русских земель Ростово-Суздальского княжества. Он словно бы вытаптывал «русскую поляну», на которой могли расцвести цветы, конкурирующие с его «залесской грядкой». Изяслав пытался отремонтировать огромное, ветхое, пережившее свой век строение Киевской Руси, вряд ли задумываясь о его целесообразности, тем более, что сам он, по существу, никакого собственного дома не имел – ему не к чему было крепить сгнившие киевские державные

¹² Если с датой рождения Изяслава II все более менее очевидно (1096), то с Юрием Долгоруким по сию пору это вопрос открытый и дискутируемый.

конструкции, не на что было опереть стены. Юрий Владимирович, в отличие от племянника, не занимался «реанимацией мертвого тела», не пытался латать то, что отслужило, не пытался вдохнуть жизнь в то, что отжило свой срок. К своему Залесью – прочно сложенному, хотя (пока!) не слишком внешне ладному строению, – он готов был присовокупить тот или иной предел.

Последнего ему не позволял политический инстинкт. Осуждать ли за это суздальского князя? Судьба русских уделов – их развитие, процветание – его интересовала только в том случае, если в них имелась позитивная перспектива, что было равносильно исходящей от них в отношении его родного Залесья потенциальной угрозы. Он и в племяннике Изяславе прозревал такую угрозу. Вряд ли Юрий Владимирович допускал, что племяннику и в самом деле удастся объединить уделы и возродить в прежнем единстве Киевскую Русь – эта идея была очевидно мертворожденна в конкретной ситуации XII века. Но вот то, что Изяслав под свою «идею единства» мог создать на Днепре мощный и богатый удел, который бы стал опасным противовесом Залесью, успешным конкурентом, – это было вполне реально, и попытки этого следовало пресекать немедленно.

Старший из Мономашичей, князь Юрий Владимирович Долгорукий, хозяин Залесской Руси, и бывший его недруг, а ныне же гость и союзник, утративший свою Новгород-Северскую вотчину князь Святослав Ольгович¹³ объединялись общей ненавистью к блистательному Изяславу II Мстиславичу, который после кончины в 1146 году Всеволода Ольговича¹⁴, великого князя из Святославова колена Ярославичей, и трагической гибели его брата и преемника в Киеве Игоря Ольговича, избран был великим князем Киевским, отнюдь не думали складывать оружие и мириться с обстоятельствами.

¹³ Святослав Ольгович (+1164), сын Олега Святославича (прозванного Гориславичем) и половчанки. Княжил в Новгороде (1136-1138, 1139-1141), Курске (1138-1139), Белгороде (1141), Новгород-Северске (1141-1157), который считал своей отчиной, Чернигове (1154-1155, 1154-1164) Во время усобиц середины XII в. был союзником Юрия Долгорукого и Изяслава III Давыдовича.

¹⁴ Всеволод II Ольгович (1094-1146), сын Олега Святославича (прозванного Гориславичем) и Феофании Музалон. Князь Черниговский (1127-1139), великий князь Киевский (1139-1146) Мнения о нем противоположны, от резко отрицательных (В.Татищев), до весьма положительных (С.Соловьев). Изменить тенденцию времени Всеволод II, конечно, не мог, и процесс распада при нем продолжался, однако он не допускал в этом движении экстремистских крайностей и удерживал страну в пределах необходимых иллюзий.

Непростыми путями Изяслав Мстиславич утвердился на киевском «золотом столе». Исполненный романтизма и обаяния, его образ, способствовавший умножать ряды своих сторонников (прежде всего – среди посадского населения) вовсе не свидетельствует о нем, как о неменяемом идеалисте. Изяслав Мстиславич уже имел богатый и жизненный, и политический опыт – много предавали его, но так же и он не чурался менять союзников к немалой для себя выгоде. Перебираясь из Курска в Полоцк (1129 г.), а оттуда в Переяславль (1132 г.) и далее, почти без остановки, в Минск и Туров (1132 г.), сменив их через три года на Волынь (1135 г.), нигде не задерживаясь надолго, не обременяя себя погружением в тонкости забот того или иного удела, он отшлифовывал до совершенства образ благородного ревнителя русского единства, противопоставляя себя прочим Рюриковичам, которые в разрастающемся хаосе перспективами восстановления единой Руси не обольщались. Для них Киевская Русь все же была делом прошедшим, которое спасти не только невозможно, но и не нужно. Князья пользовались моментом, чтобы в условиях распада улучшить свои позиции, округлить свои уделы или сменить их на более выгодные, т.е. стремились переделить наследство уходящей в историю Древнерусской державы. И еще, конечно, свести счеты друг с другом, поскольку у всех накопился внушительный список обид, идущих от отцов и дедов. Никто об «историческом долге Рюриковичей перед Русью» не то, чтобы не говорил, но и не думал. Изяслав Мстиславич на фоне этой циничной и хищной когорты со своими речами о единстве выглядел весьма привлекательно.

Был ли Изяслав в этих иллюзиях искренен? Когда-то в юности – несомненно, как несомненно и то, что с годами, с опытом эти иллюзии должны были если не исчезнуть полностью, то сильно поблекнуть. Но с опытом же пришло и осознание того, что эти иллюзии – дорогой «политический товар», имеющий спрос в народе, который с каждым годом усобицы все более и более идеализировал прошлое. Изяслав быстро оценил исключительные достоинства ревнителя русского единства в политической борьбе, со временем же оценит и тяжесть этой роли, которая станет его ограничивать в политическом маневре и вынуждать к действиям, противным здравому смыслу. Но избавиться от своей роли Изяслав уже не мог. Взятый однажды образ неоднократно ставил его на грань катастрофы, но он же позволял ему вновь и вновь возрождаться, подобно «Фениксу из пепла». Вне этого образа Изяслава, как фигуры политически действующей, как бы и не существовало.

Он далеко не единственный, кто оказался в конечном счете за-

ложником своего образа. Несомненно, любой исторический персонаж существует в пространствах «реальности», «роли» и «мифа». Привлекателен, чаще всего, именно образ мифологический, тем более что каждое поколение этот миф обрабатывает и разукрашивает. Человеческое сознание стремится упростить прошлое, свести его к понятным сюжетным схемам, а их участников – к неким привычным типам. Изяслав Мстиславич естественно и неизбежно также оказался в ряду подобных типовых фигур, более того – архетипов, любовно обработанных до уровня полноценного художественного образа, действующего не столько в историческом, сколько в былинно-мифологическом пространстве. Архетип, к которому может быть отнесен Изяслав (и самому князю это очень приглянулось бы!) – это герой, противостоящий распаду и хаосу, проходящий сквозь множество испытаний, но остающийся неизменным в верности своему предназначению.

Публичность – яркая и динамичная, – была сильной стороной политического образа Изяслава Мстиславича. Идейной основой ее было возвращение «к добрым, старым временам», о которых сын Мстислава Великого говорил так долго, часто и вдохновенно, что, возможно, и сам отчасти в это верил. Не случайно же после кончины Всеволода Ольговича киевляне направили к нему в Переяславль своих послов: «Поди, князь, к нам, хотим тебя... Ты нам князь, Ольговичей не хотим»¹⁵. Киевский вечевой сход позволил обойти многих князей, более старших годами и имевших по Лествичному праву куда более прав на «золотой стол».

От Переяславля до Киева – рукой подать. Ревности князей Изяслав не мог не опасаться. Равно и понимал, что названный наследником Игорь Ольгович¹⁶ и его сторонники добром из Киева не уйдут.

¹⁵ Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 323.

¹⁶ Игорь Ольгович (+1147), сын Олега Гориславича и Феопании Музалон. Со стоял при брате, великом князе Всеволоде II, который в 1145 году объявил его своим наследником и присутствовавших при том братьев и приближенных просил в том целовать крест. В 1146 году в том же целовали крест киевляне. После воследовавшей вскоре кончины Всеволода II объявил себя великим князем, но был предан киевскими боярами и дружиной, т.к. Киев предпочел видеть своим главой Изяслава Мстиславича, к которому, минуя Игоря Ольговича, и были отправлены послы. После поражения под стенами Киева (был предан своим войском), бежал, но был пленен, находился под стражей в Переяславле. Принял схиму в Федоровском монастыре в Киеве. Во время беспорядков в Киеве схвачен мятежниками во время обедни и, несмотря на заступничество князя Владимира Мстиславича, был убит толпой 19 сентября 1147 года.

Но и медлить было нельзя, ибо приглашение киевлян полностью обесценится, когда в борьбу вступят такие политические тяжеловесы, как суздальские, черниговские и галицкие князья. Нужно было успеть занять великокняжеский стол раньше, чем они вмешаются в ситуацию. Спешно собрав своих ратных людей, Изяслав перешел у Заруба¹⁷ Днепр и подошел к стенам Киева. Исход битвы решился почти сразу – киевляне предали дружину Игоря Ольговича и в тот же день с великим почетом встречали Изяслава. Бежавший с поля боя Игорь Ольгович был взят в плен спустя четыре дня, т.е. уже после того, как Изяслав надел великокняжеские венец и бармы. Незадачливый наследник Всеволода Ольговича был болен, но, тем не менее, отправлен в узилище Переяславского Ивановского монастыря.

Понятно, что пребывание несостоявшегося великого князя под арестом было прекрасным основанием для консолидации противников Изяслава и началом против него большой войны. Изяслав к немедленной войне не был готов, но вряд ли компромисс с принятием (по собственной инициативе) больным Игорем Ольговичем монашества в состоянии был остановить врагов Мстиславича. Противники его были достаточно циничны, чтобы при необходимости даже забыть вовсе о существовании Игоря Ольговича, но они же были слишком реалистичны, чтобы понять, какую исключительно благоприятную позицию занял Изяслав Мстиславич. Как раз Игорь Ольгович, лишенный характера и политически легковесный, вполне устраивал всех – кроме Изяслава Мстиславича – как фигура промежуточная, ни на что не претендующая и по слабости своей ни к чему не способная и, значит, не мешающая удельным князьям упрочать свое положение и переделывать наследие Киевской державы. Другое дело – Изяслав, исполненный идеями пресловутого «возрождения Киевской Руси», дерзкий и даровитый, не только способный, но и желающий разрушить складывающееся равновесие. Изяслав понимал – войны не избежать, ему силой придется доказывать свое право на великое княжение. В такой ситуации нахождение Игоря Ольговича в Киеве было не просто нежелательно, а опасно; политические фигуры с верхнего этажа власти сохраняют свое значение, даже вопреки собственному желанию, до самой смерти.

Ситуация разрешилась как бы сама собой, хотя и трагично.

¹⁷ Крепость в десяти верстах к юго-западу от Переяславля, фактически, его днепровский «пригород». В Зарубе, в местном монастыре, вероятно, подвизался монахом Клим Смолятич. Иные мнения см.: *Нерозник В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 74; *Барсов Н. П.* Историко-географический словарь русской земли IX-XIV вв. М., 2011. С. 76.

На киевском вече 19 сентября 1147 года чьи-то крики возбудили людей против бывшего великого князя, и толпа бросилась к Федоровскому монастырю. Странно, что Владимир Мстиславич¹⁸, бывший на вече, хотя и был на коне, но прибыл к месту расправы слишком поздно и почему-то без стражи. Митрополит Климент (Клим Смолятич)¹⁹, бывший так же на вече, не слишком усердствовал в увещании возбудившейся толпы. Ни сам митрополит не пошел к Федоровскому монастырю, и никого из своих людей туда не послал, хотя вряд ли могли быть сомнения относительно намерений инициаторов беспорядков. Владимир Мстиславич отвел избитого Игоря Ольговича в стоящий поблизости дом своей матери, после чего, видимо, ушел. Когда ему сообщили, что брат убит, он «велел похоронить Игоря». А когда об убийстве сообщили великому князю Изяславу, тот «заплакал»²⁰. Если Владимир «услыхал» об убийстве, то его в тот момент в доме его матери не было! Какие более срочные дела его могли отвлечь? И не явился ли его уход сигналом для заговорщиков к тому, чтобы немедленно довершить начатое дело? Что же до Изяслава, то, «поплакав», он, обычно скорый на расправу, почему-то не стал искать виновников убийства. В том, что убийство Игоря Ольговича – случайность, слишком

¹⁸ Владимир Мстиславич (+1171), сын Мстислава I и Любавы Дмитриевны, дочери новгородского посадника. Князь Дорогобужский (1150-1154, 1170-1171), Владимиро-Волынский (1154-1157), Трипольский (1162-1168), Слуцкий (1169), великий князь Киевский в 1171 году, откуда его хотел выгнать Андрей Боголюбский. От унижения Владимира избавила смерть, случившаяся 10 мая. Всю жизнь воевал с суздальскими князьями и с племянником Мстиславом Изяславичем. «Много перенес он бед, бегая ... то в Галич, то в Венгрию, то в Рязань, то к половцам, но все по своей вине, потому что нестойк был в крестном целовании». Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. [Т. 2]. М., 1993. С. 534-535.

¹⁹ Клим (Климент) Смолятич (+1164) – киевский митрополит русского происхождения. Поставлен Изяславом II 27 июля 1147 года митрополитом без согласования с патриархом Константинопольским. «Новый киевский князь хотел иметь в лице главы русской церкви послушное орудие своей политики... В междукняжеской борьбе Клим встал на сторону Изяслава» (*Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII века. М., 1989. С. 196) Юрию Долгорукому и новгородскому епископу Нифонту удалось создать против Клима влиятельную церковно-политическую оппозицию. В 1149 г. вынужден был первый раз вместе с Изяславом II покинуть Киев. Вернулся в 1151 году и после кончины Изяслава II (1154). В 1158 году (при пребывании в Киеве Мстислава Изяславича) около трех месяцев вновь исполнял функции митрополита.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 354.

много сомнений²¹.

Заняв Киев, Изяслав обрел до начала «партии» стратегическое преимущество; его позиция для реализации амбициозных планов представлялась идеальной. При этом судьба Игоря Ольговича ясно показывала, что новый великий князь менее всего готов считаться с самолюбием, правами и жизнью тех, кто встал у него на пути.

Противники Изяслава решительно готовились к реваншу и в преддверии предстоящей схватки встретились с половецкими ханами, надеясь получить от них основательную поддержку. Обращение такое для них было естественно – два князя состояли в родстве с ведущими ханскими кланами, имевшими кочевья и становища по юго-восточным рубежам Руси: в частности, Юрий, и Святослав были своими первыми браками связаны с ханом Аепой Осеневичем²². Усиление своих сил конными отрядами степняков давало инсургентным князьям такое преимущество, которое они считали победным. Их надежды оправдались – ханы согласились участвовать в княжеской усобице на стороне оппозиции Киеву²³. Правда, не все – половцы, кочевавшие в низовьях Днепра, Днестра и Южного Буга были вне сферы влияния врагов великого князя. В среде этих половцев были сильны позиции самого Изяслава II, который был, естественно, осведомлен о действиях своих врагов и потому также поспешил на переговоры с группой благосклонных к нему ханов²⁴.

Великого князя, который не менее своих противников был лишен щепетильности в выборе средств, вполне устроил бы один из двух вариантов. Первый – ханы западных половецких кочевий присоединятся к войску Изяслава II, уравновешивая тем самым половецкие соединения во враждебных войсках. Второй – западные ханы, действуя автономно, нападают на придонские кочевья, т.е. начинают усобную степную войну, что оставляет князей Юрия и Святослава без отрядов своих степных союзников. Было время, когда Владимиру Мономаху удавалось таким образом отводить половецкую угрозу от русских рубежей, справляться с агрессией, идущей из степей, благодаря искусному сраиванию половецких ханов во взаимной вражде. Сле-

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349-354. – «Люди говорили, что его убил Изяслав или полелел убить, но то Бог ведает» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 354-355).

²² Ай-Юбай, известный по русским летописям, как Аепа Осеневич (Ясеневич), хан орды, имевшей печенежско-сарматские корни, кочевавшей в первой половине XII в. между Днепром и Доном. Дед Андрея Боголюбского.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341-342.

²⁴ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 315.

довательно, Изяслав II пытался действовать в русле давней политической традиции, однако его постигла неудача. С одной стороны, все обстояло будто бы и хорошо: на обставленной весьма пышно встрече великого князя и западных половецких ханов – она состоялась где-то вскоре Рождества 1147 года – половцы подтвердили свое уважение великому князю, клялись ему в дружбе и в том, что будут соблюдать с Русью мир. С другой стороны, они хоть и тактично, но твердо, категорично отвергли возможность войны со своими соплеменниками. «То, что позволено Юпитеру, не позволено быку» – Изяслав II при всем своем обаянии и талантах все же отнюдь не тождественен личности Владимира Мономаха. Впрочем, и времена изменились. Рюриковичи с того момента, когда перед уходом в вечность смежились очи Мономаха, сильно преуспели в дискредитации и своего сильно разветвившегося и увязнувшего во вражде клана, и в дискредитации княжеской власти, как преуспели и в ослаблении русских земель, бесчетно разоряемых усобицами. При всей яркости натуры Изяслава II, половцы понимали всю относительную непрочность его положения. «Успех дипломатов обеспечивается успехом больших батальонов» – так спустя шесть веков скажет Наполеон Бонапарт: тезис не без циничности, но он, к сожалению, отражает подлинную политическую реальность во все протяжении человеческой истории.

Обратим внимание, что историю Древней Руси, – как, впрочем, и вообще древнюю историю, – традиционно выстраивают в контексте ожесточенного цивилизационного противостояния, мирных и оседлых славян-земледельцев и коварных, агрессивных, неустанно стремящихся к войне степных кочевников. Привычно живописуются картины разрушений и ужаса, являющиеся результатом вторжения несметных и диких степных орд в самые глубины Руси – горят города и села, очаги культуры обращены в пепелища, десятки тысяч людей угоняются в рабство. Жизнь раз за разом приходится начинать едва не с чистого листа тем немногим, кому удавалось уцелеть от очередного безжалостного погрома.

На деле же степные орды вовсе не были столь уж многочисленными – реальные возможности хоть и обширного, но сильно ограниченного по возможностям степного ландшафта этому препятствовали. Кроме того, те же возможности ландшафта, но уже русского, – т.е. дремучие леса, болота, сильно пересеченная, рельефная местность, многочисленные преграды в виде рек и оврагов, – делали фактически бесполезным для степняков завоевание такой территории, совершенно непригодной для кочевого образа жизни и, вместе с тем, определя-

ли невозможность проникновения кочевников далее весьма узкой приграничной лесостепной полосы. Заметим, что кочевники – и скифы, и печенеги, и половцы – очень боялись оторваться от своих степей. По этой причине, если набеги совершались, то, во-первых, они совершались в самой порубежной со степью территории, а во-вторых, носили характер стремительных блицкригов, т.е. времени на захват городов и крепостей, если они оказывали сопротивление, не тратилось, тем более что средств для осады степняки не имели²⁵.

Надо иметь в виду, что степные кочевники, в отличие от оседлых народов, весьма уязвимы от колебаний погоды и даже от малейших отклонений от климатических норм и, как следствие, зависимы от торговых контактов с оседлыми земледельцами. Грабеж – дело разовое и редко оправдывающее надежды. Жизнь кочевых становищ слишком уж зависела от комплиментарных отношений с домовитыми и запасливыми соседями²⁶. Конечно, набеги в пограничье имели место, но, совершенные без санкций ханов, они самими же ханами и карались. То или иное объединение половецких племен на масштабные походы могло спровоцировать только два обстоятельства: первое – климатическая катастрофа, и второе – слабость Руси, когда поход в условиях внутрирусского усобного хаоса окажется безнаказанным. Однако и здесь имеется оговорка: ханские роды к моменту глобального кризиса в Древней Руси (в XIII столетии) весьма основательно породнились с различными ветвями Рюриковичей. Такое породнение было взаимовыгодным: половцы получали стабильность в поставках зерна и иных необходимых для жизни товаров, что же до русских князей, то они получали союзников в усобных войнах. Кстати, половцы, поддерживая «своего», т.е. связанного родством князя, получали право на как бы «легальный» грабеж тех русских земель, что находились во власти «чужих» Рюриковичей. Более того, для такого грабежа половцы получали в самой Руси опорную базу в виде удела «своего» князя. Если кого и следует винить за масштабные и разрушительные марши степной конницы по пространствам Руси – хотя почти никогда не далее чем до Припяти и Оки, – то никак не якобы алчных и патологически жестоких половецких ханов, а именно гордых и тщеславных князей-Рюриковичей.

Итак, после переговоров с половцами (удачных у князей-инсургентов и неудачных у великого князя) междоусобная война

²⁵ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб., 2001. С. 423-440.

²⁶ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2008. С. 551-555.

на Руси по весне 1147 года вспыхнула с новой силой. Святослав Ольгович, чьи сравнительно скромные силы были многократно умножены войском Юрия Долгорукого и половецкой конницей, перешли Оку и начали наступление на Изяслава и Владимира Давыдовичей²⁷, союзников Изяслава II. Одновременно же иные из половецких отрядов одновременно перешли границу Северной Руси от верховьев Дона до Ворсклы²⁸. Давыдовичи и в прежние времена, находясь в лучшем положении, полководческими способностями не отличались. В ситуации, когда пришлось лицом к лицу встретиться с многочисленным и с разных сторон наступающим противником, они вовсе растерялись, заметались, тщетно и суетливо пытались организовать оборону. Своей главной им суетой они скорее мешали собственным дружинам. Буквально сметая со своего пути разрозненные, плохо организованные отряды своих недругов, подавляя их решительностью натиска, стремительностью переходов и численным превосходством, Святослав Ольгович весьма скоро добрался до Новгород-Северска, своей удельной столицы. После короткой осады город был взят. Чуть позже взят был и Путивль, после чего силы Давыдовичей, совершенно деморализованные и понесшие существенные потери, отступили к Чернигову.

Трудно объяснить на это время бездействие самого Изяслава Мстиславича: военные действия хоть и развивались с невероятной быстротой, но все же об этом наступлении великий князь был заранее предупрежден. Кроме того, военные действия проходили довольно близко от Киева. Черниговско-Северская земля начиналась всего-то в пятидесяти верстах от столицы Древней Руси, сразу за Остерским городцом, там, где Ость впадает в Десну, т.е. Уненеж, Моравийск, Лутава и даже Любеч (на Днепре) в то время входили в юго-восточный удел. При желании Изяслав II мог бы в течение нескольких дней прийти на выручку союзным ему Давыдовичам. Если судить по результатам, то великий князь в стратегических расчетах ошибся. Бездействие

²⁷ Сыновья Давыда Святославича (+1123), который последние 26 лет своей жизни княжил в Чернигове и был известен как человек кроткий, миролюбивый и никогда никаких договоров и обещаний не нарушавший. Дети его представляли полную противоположность и известны множеством клятвopеступлений и измен. Изяслав III Давыдович (+1162), князь Черниговский (1152-1154, 1155-1157), великий князь Киевский (1154-1155, 1157-1158). Изгнан из Киева союзом Мстислава Изяславича, Ярослава Осмомысла и Владимира Андреевича. Убит торками во время бегства из-под осаждаемого Белгорода. Владимир Давыдович (+1151) княжил в Чернигове (1139-1151). Погиб в битве у Малого Рутца.

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341-343.

Изяслава Мстиславича точно не могло объясняться каким-либо тайным сговором его с Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем, т.е. предательством союзных Давыдовичей. Очевидно, бездействие объясняется недостатком военных средств: ополчение было распущено, часть дружины разошлась на зимнее время по своим домам. Еще одна часть дружины выполняла карательные функции к западу от Днепра.

Надо полагать, Изяслав Мстиславич не думал, что Святослав Ольгович так быстро восстановит свою армию или, что точнее, что Юрий Долгорукий и в самом деле всерьез задействует свои ресурсы для помощи северского изгоя. Не ожидал Изяслав II и того, что противник начнет военные действия по весенней распутице. Но весна 1147 года выдалась холодной, фактически зима затянулась еще на месяц. Святослав же не стал ожидать наступления распутицы, а затем ее окончания, – он привел в движение свои полки немедленно, как счел законченным период подготовки. Его войска наступали в марте не по расплывающейся грязи, а по все еще прочному насту и даже через реки переправлялись все еще по льду. Конечно, осознав свою оплошность, Изяслав II начал спешно собирать свои разбросанные к западу от Днепра хоругви. Но, как ни спешить, а время для того требуется немалое. А время в период военных действий, часто – фактор решающий. Великий князь упустил инициативу.

Вообще, нельзя не заметить, что Изяслав Мстиславич лишен стабильной ровности поведения, что выдает в нем характер холерический. Для Изяслава характерны, скорее, яркость натуры и темперамент, нежели основательность и последовательность; скорее динамичность и склонность к экспромтам, рискованные импровизации, граничащие с авантюризмом, нежели холодный расчет и методичность в осуществлении продуманного стратегического плана. С «золотой серединой» у Изяслава Мстиславича имелись большие проблемы. Он был, несомненно, человеком крайностей: то поражал излишней и малооправданной доверчивостью и даже легкомысленностью, то, наоборот, неприятно удивлял подозрительностью; то он тотчас забывал обиды и даже предательства, а то вдруг обнаруживал злопамятность, причем из-за совершенных пустяков. Конечно, годы, проводимые им в эпицентре политики, налагали отпечаток на свойства его натуры – утрачивались легкость и обаяние, свойственные юности, на первый план с годами выходили нервность и подозрительность, в которых проявлялся богатый и горький опыт. Изяслав Мстиславич был уже человеком по своим временам пожилым, переступивший полувековой рубеж. Впрочем, подозрительность ему очень пригодится в 1147

году. Изяслав II с непростительным опозданием, а потому и в отчаянной спешке, собирал силы для похода.

Именно в этот момент в Киев прибыли посланники от его незадачливых союзников, Владимира и Изяслава Давыдовичей. Эпистола, врученная великому князю посланниками, была полна отчаянных слов и живописаний трагического положения, в котором оказались Давыдовичи²⁹. И это первая странность: послание было отправлено именно тогда, когда Святослав Ольгович остановил столь удачное наступление буквально перед воротами Чернигова, при том, что вполне мог воспользоваться благоприятной для себя ситуацией и «налету» взять также и этот город. Даже если Святослав не собирался оставлять Чернигова, владение им давало колоссальное стратегическое преимущество в войне. Да и на время мирных переговоров этот город – существенный предмет для торгов и возможностей к дипломатическому маневрированию. Наконец, Чернигов можно было отдать на разграбление половцам – в качестве платы за союзническую помощь (к сожалению, подобная практика была уже распространена на Руси) Итак, выгода – очевидна. Но Святослав, вовсе не бессеребренник (скорее – наоборот), неожиданно отводит свои войска назад, к Путивлю. И это – вторая странность: почему отводит? Быть может, не хотелось окончательно ссориться с Давыдовичами, хотя – куда уж больше?! Быть может, половцы, получив обещанную плату (допустим такую неосторожность «предварительного расчета» со стороны Юрия Владимировича и Святослава Ольговича), возвратились в степи, хотя – когда же это половцы отказывались от дополнительной добычи, да еще столь богатой, как Чернигов?! Быть может, ушли не половцы, а отряды Юрия Долгорукого, но когда это суздальский князь упускал добычу, особенно, если она была уже совсем близка, в пределах реальной досягаемости, когда основная работа уже оказывалась позади?! Об эпидемиях или конфликтах между союзниками нет никаких свидетельств. Ни одно из объяснений не может быть признано основательным. Но сам факт отхода армии Святослава Ольговича от почти смирившегося со своей судьбой Чернигова – несомненен.

Но вернемся к посланию. Давыдовичи писали его не только для жалостливого живописания своего положения. Более существенно было иное: «Брат! – писали Давыдовичи, – Святослав Ольгович волости наши занял; пойдем на него, и когда его прогоним, то пойдем и на Юрия в Суздаль, и либо замиримся с ним, либо будем биться за прав-

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315.

ду»³⁰. Иначе говоря, описав отчаянность своей ситуации, братья вдруг обнаруживают решительность и даже уверенность в скорой победе, побуждая великого князя к немедленным действиям. Более того, Изяславу Мстиславичу предлагался, по существу, общий план для дальнейших действий, цель которых – не только разгром Святослава Ольговича, но и Юрия Владимировича, да еще в его непосредственной заокской вотчине. То, что за действиями Святослава стоит непримиримый в своей гордыне и могущественный суздальский князь, который и является основным и непримиримым врагом Киева, было и без того известно Изяславу Мстиславичу³¹. Именно на дяде великого князя держалась вся оппозиция Киеву. Давыдовичи же своим посланием как бы говорили, что они остаются верными союзниками Изяслава II и иных для себя союзников, кроме него, не ищут; что с врагами своими, которые также и враги великого князя, они мира не ищут; что собирают в Чернигове полки и там станут ожидать великого князя со своей дружиной, надеясь, что он объединенное войско и возглавит. И вообще, Изяслав II должен увериться в том, что несмотря на неудачи, дело вовсе не безнадежное, и в Чернигове у Давыдовичей еще есть достойные силы.

Давыдовичи откровенно торопили великого князя и призывали к решительности. Впрочем, так ли уж нужно было подгонять Изяслава II, которому и так была очевидна острота ситуации, поскольку война подходила слишком уж близко к стенам Киева? И, тем не менее, послание Давыдовичей возымело действие: Изяслав II, не завершив собрание своих ратей, вышел походом в сторону Чернигова, до которого было рукой подать. Но едва ли не сразу по пересечении Днепра остановился и, развернув свое войско на юг, спешно отошел в Переяславские земли³². Очевидно, что у великого князя было много верных и искренних друзей в Чернигове (и только ли там?!), видевших в Изяславе подлинного радетеля русского единства и продолжателя дела своих отца и деда. И эти друзья извещали Изяслава II об измене. «Князь! – писали они, несомненно, головой рискуя за свою смелость, – Не двигайся никуда с места: ведут тебя обманом, хотят убить, либо схватить вместо Игоря; целовали крест Ольговичу, послали и к Юрию с крестом: задумали и с ним на тебя»³³.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343.

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 344.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 344.

³³ Русский перевод цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. [Т. 2]. С. 432.

Конечно, Изяслав Мстиславич был в полной мере человеком своего времени, и человеком вполне здравомыслящим, ведущим смертельно опасную борьбу за власть осмысленно и осознанно. Время было жестокое, много раз проверяющее людей на стойкость, верность и разумность. Клятвы в те времена давались во множестве и вряд ли мы найдем хотя бы одного князя или боярина, которые бы за свою жизнь не обременяли себя десятками самых «страшных клятв» и эти же клятвы не преступали – если и не все, то большинство из них. Произносимые перед алтарем и святыми образами слова легко давались и столь же легко преступались. И сам Изяслав Мстиславич из общего порочного правила XII века – отнюдь не исключение.

Так стоило удивляться измене своих очередных союзников, до того не отмеченных безупречностью? Но, видимо, это казалось невероятным: слишком много и жестоко претерпели Давыдовичи от Святослава Ольговича, да и сами жестоко поступили ответно со Святославом, наконец – слишком многим, и вотчинами своими, и самой жизнью, Давыдовичи обязаны были великому князю, его благосклонности и покровительству. Судьба их, как представлялось, была неразрывно связана с судьбой Изяслава! Поверить в измену было невероятно трудно – в этом проявлялся идеализм Изяслава, от которого он так и не смог избавиться с годами, и именно этот идеализм сообщал всему его облику то очарование, что привлекало к нему сердца многих тысяч людей и что роднило его с его уже легендарными предками, с отцом и дедом.

Изяслав в праве был заподозрить в полученной информации провокацию – на них был всегда горазд и искусен ненавистный дядя Юрий Суздальский. У него вполне мог быть расчет на вспыльчивый нрав племянника. В самом деле, как Изяслав должен был бы реагировать на измену своих союзников, на подлое коварство тех, кого он щедро благодетельствовал, для кого сделано было непомерно много? Наиболее естественная реакция – обида, возмущение, гнев. Гнев же должен привести к мести – чего же лучше для Юрия Владимировича и Святослава Ольговича, если удастся вызвать войну между Киевом и Черниговом, когда великий князь на потеху своих врагов будет громить полки своих единственных союзников.

А если предупреждение правдиво? Тогда Изяслав, придя в Чернигов, окажется в смертельной западне! Изяслав мог внутренне сопротивляться информации, мог даже не верить, но как князь, много повидавший на своем уже немалом веку, не мог не опасаться. Поэтому он отвел свои войска по левому берегу Днепра к югу, оставляя за собой поле для маневра. Источники неприятной информации были

надежны, но их следовало проверить. Великий князь отправил в Чернигов своих послов, которые должны были выяснить, сколько в доносе черниговских друзей правды и какова подлинная направленность мыслей Давыдовичей. Боярин Улеб, надо полагать, был человеком многократно проверенным в делах, богатым опытом и искушенным в переговорах, а также, что несомненно, решительным и отважным, поскольку миссия его была смертельно опасной.

Улеб с посольством, явившись в Чернигов, не обманулся радушным приемом, который был ему оказан, более того – по ряду причин он укрепился в подозрении относительно Давыдовичей³⁴. Выяснить все до конца было опасно. Легче было вернуться к Изяславу и поделиться своими сомнениями. Но послы – вот где сказались их решительность и отвага! – перешли в решительное наступление: они сказали, что есть разные подозрения и слухи, а потому от имени великого князя они требуют, ради прежнего доверия и устранения всяческих сомнений и подозрений, чтобы братья подтвердили свое союзничество с Изяславом. Но подтвердили не приватно, в горнице или в домово́й церкви перед послами, а прилюдно, т.е. чтобы Давыдовичи при стечении народа, – и клира, и бояр, и посадских людей, – в храме, прилюдно «целовали крест на верность» и на союз с Изяславом Мстиславичем. Расчет был верный: одно дело – давать обещания и словесные клятвы с глаза на глаз, и вовсе иное – совершить обман публично, перед алтарем! Такая открытая и бесстыдная ложь несмыываемым пятном легла бы на Давыдовичей. Братья этого уstraшили и потому уклонились от нового крестоцелования.

Далее разговор шел куда более жесткий и многое стало ясно окончательно³⁵. Выяснилось, что братья уже союзниками Изяслава Мстиславича не являются, поскольку им удалось, – конечно, при посредничестве Юрия Суздальского, – помириться со Святославом Ольговичем. И примирение это состоялось еще до того, как братья писали красноречиво-жалостливое послание в Киев, в котором также и предлагали совместный поход прямо на Суздаль. Изяслава ложными уверениями завлекали в смертельную ловушку. Неясно, правда, собирались ли эту ловушку захлопнуть прямо в Чернигове, или Давыдовичи, продолжая разыгрывать из себя союзников, увлекли бы великого князя в поход на север, за Оку, где на заранее подготовленных позициях он был бы подведен под суздальские мечи, предан и погиб бы в злой сече.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 345.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 345-347.

Предательство Давыдовичей было очевидно, но братья попытались взять на себя функцию миротворцев, что совсем уж было лукаво и ничтожно. Впрочем, Давыдовичи были в положении отчаянном. Замирились они со Святославом Ольговичем в ситуации, которая им казалась безнадежной. И замирились не без помощи коварных увещаний суздальских послов, обещавших оставить за Давыдовичами Чернигов. Изяслава Мстиславича они панически боялись, догадываясь, что гнев его будет ужасен. Но и в добрые к себе чувства со стороны Юрия Владимировича и Святослава Ольговича, при всей своей недалекости, они тоже не верили. Давыдовичи предложили Изяславу через его послов стать посредниками в поисках замирения между великим князем и его противниками. Но даже если бы Изяславу Мстиславичу был остро нужен мир, вряд ли он доверился бы своим бывшим союзникам, столь подло однажды поступившим.

Послы доложили Изяславу II о существовании ситуации. Братья напрасно надеялись «выйти сухими из воды»: по велению великого князя послы на одной из публичных аудиенций разорвали пергамент договорных грамот и бросили обрывки к ногам Давыдовичей, чем выражалась высшая степень презрения, и что означало полный разрыв всяких отношений между киевским князем и наследниками Давыда Святославича³⁶. После метания пергамента послы громогласно объявили братьев изменниками и клятвопреступниками, злоумышлявшими против единства Руси и против своего благодетеля. Сколь существенно это было для Изяслава и Владимира Давыдовичей? Они были уличены в публичной клевете, в неблагодарности, в предательстве – несмыслимое пятно позора оставалось с ними на все оставшиеся годы.

Жить с этим можно, но политику с таким бременем продолжать накладно. Впрочем, периоды безвременья и распада более всего благоприятствуют таким типам. И, тем не менее, подлость – не гарантия выживания даже в годы лихолетий; хаос безвременья никого не щадит. Спустя четыре года (в 1151 году) Владимир Давыдович погибнет под мечами великокняжеской дружины в сече при Малом Рутеце³⁷. Изяслав Давыдович, похоронив брата, лихорадочно и шумно проживет еще одиннадцать лет в безумной жажде удовлетворить свое тщеславие. Отчасти и удовлетворит, поскольку будет трижды сидеть на великокняжеском столе в Киеве, однако ни уважения, ни покоя, ни славы не обретет. Бесстыдство было натурой этого трусливого и без-

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 438.

дарного человека. В избытке предавая сам и, в свою очередь, многократно предаваемый другими, он в непотченной суете проведет свою жизнь, которая окончится бесславно – в марте 1162 года он будет зарублен торками во время бегства из-под осажденного Белгорода³⁸.

Безнравственность обычно сопутствует политике, но отнюдь не свидетельствует о свойствах ума и характера – хоть и злых, но выдающихся. Во всяком случае, это в полной мере относится к Давыдовичам. Сами они никогда на заключение мира со Святославом Ольговичем не решились бы. Парализованные натиском противника и обескураженные отсутствием реакции Изяслава Мстиславича, они бы и желали мира, но ни отваги (для предательства ведь тоже нужна отвага!), ни ловкости к тому они не имели. И, что существенно, сам Святослав Ольгович вряд ли по своей воле остановился бы в полушаге от полной победы, от захвата фактически падающего в его руки Чернигова.

Несомненно, у этого сюжета был волевой и умеющий добиваться своего драматург. И это, конечно, Юрий Долгорукий – единственный, который получил из создавшегося положения политические дивиденды, хотя и не совсем такие, какие им ожидалось. Да, заманить ненавистного Изяслава II в смертельную западню – ни в Чернигове, ни, тем более, куда-то за Оку (когда Давыдовичи предлагали поход «на Суждаль») не удалось. Но хорошо уже то, что Давыдовичам, как бы в дальнейшем ситуация не повернулась, Изяслав II никогда доверять не сможет. Не сможет он доверять и иным союзникам, которых еще будет довольно в его жизни. Черниговский урок заставит его всех подозревать. А подозрение оскорбляет и само по себе провоцирует к ответной неискренности, а затем и измене. Святослав Ольгович, конечно, имел много оснований быть врагом Изяслава II – это ведь он пытался уладить взаимоотношения киевлян с братом Игорем и, как и Игорь, бежал после предательства киевлян, только оказался удачливее брата. Но не меньше было оснований у Святослава Ольговича быть врагом и Юрия Долгорукого – сторонники суздальского князя в 1141 году мятежом вынудили его бежать из Новгорода³⁹.

Впрочем, многое зависело от того, что предпримет Изяслав Мстиславич. Публичное бесчестие Давыдовичей предполагало, даже требовало, военного продолжения. Давыдовичей следовало наказать – это требовала ситуация: было понятно, что начинается большая война, и великому князю нельзя было показывать себя «слабой фигурой»,

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 518.

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308-309.

с которой можно поступать бесчестно и безнаказанно. Оценив обстановку еще раз, Изяслав II понял, что суздальский князь в этот раз свои полки не выведет из-за Оки. Если бы Юрий Долгорукий намеревался вступить в схватку лично именно в 1147 году, то он уже был бы в Северской Руси. Но если Изяслав II ошибся, то он успеет увести свои дружины за Днепр при малейшем обнаруженном движении из Залесья. И, приняв решение, великий князь начал переход через Днепр.

Давыдовичи при виде наступающей армии великого князя растерялись и отступили без боя. Изяслав же неотвратимо преследовал их и разорил едва ли не всю Черниговскую землю, правда, все время оглядываясь на север⁴⁰. Сам же Изяслав Мстиславич благоразумно предпочитал держаться подальше от Оки. Поход его был стремителен, весьма болезнен для Давыдовичей, но – без последствий. Это была именно, так сказать, «публичная порка». Взяв много добычи, великий князь поспешил вернуться на западный берег Днепра. Обратим внимание, что у Изяслава II не нашлось средств на оккупацию территорий. Именно этим и объясняется его стремление как можно больше разрушить походу своего продвижения. Он буквально выжигал тот удел, из которого Киеву исходила опасность. Это означает, что хотя и имел великий князь в Северской Руси сторонников, но их оказалось явно недостаточно для образования, так сказать, «оккупационного правительства». Куда больше было сторонников удельного сепаратизма. Молниеносный погром, устроенный Изяславом Мстиславичем в 1147 году ряды их, надо полагать, значительно умножил.

Вернувшись в Киев, великий князь отлично понимал, что все только начинается. Следующий год – 1148-й – он видел решающим в войне... С кем? Конечно, с дядей и главным своим противником – с Юрием Долгоруким, который стоял за Олегом Святославичем и Давыдовичами, и который из своего Залесья, зорко следя за происходящим, примеривался к тому, когда и как самому вступить в войну и нанести решающий удар. Война за Киев между дядей и племянником только начиналась – в 1147 году открыта была лишь первая страница в ее трагической истории. Война эта окажется фатальной и для самого Изяслава, и для Юрия Долгорукого, и для Киевской Руси, которой будет нанесен смертельный удар, и она окончательно отойдет в прошлое.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 356-358.

Источники и литература:

1. Барсов Н. П. Историко-географический словарь русской земли IX-XIV вв. М.: Либроком, 2011.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб.: Кристалл, 2001.
3. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Аст, 2008.
4. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.
5. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927.
6. Монархи мира: краткие жизнеописания / Сост. К. Рыжов. М.: Вече, 2001.
7. Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. №2. С. 65-78.
8. Нерозник В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983.
9. Перехавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси: X-XIII вв. М.: Вече, 2006.
10. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Голос, 1993.
12. Татищев В.Н. История Российская. М., 2005. Т.2. С. 303.
13. Тойнби А. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Прогресс, Культура, 1996.
14. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства (862-1462). СПб.: Алетейя, 1997.
15. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII века. М., 1989.
16. Яновский А. Юрий Долгорукий. М., 1955.